

Михаил Камалеев

17 ОРГАЗМОВ ВЕСНЫ МАША ОНЕГИНА

**Две повести о любви, алкоголе
и женском коварстве**

kamaleev.ru

Михаил Камалеев

17 оргазмов весны. Маша Онегина

«Издательские решения»

2015

Камалеев М. А.

17 оргазмов весны. Маша Онегина / М. А. Камалеев —
«Издательские решения», 2015

Две повести о любви, алкоголе, изменах, женском коварстве, неадекватном поведении и поступках, навсегда меняющих реальность. Жестко и пронзительно. Лаконичный, образный язык и ехидные наблюдения за окружающей действительностью. Едкий коктейль с не°самой предсказуемой развязкой.

© Камалеев М. А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

17 оргазмов весны	6
Disclaimer	6
Часть 1	7
Часть 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

17 оргазмов весны. Маша Онегина

Михаил Камалеев

© Михаил Камалеев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

17 оргазмов весны

Disclaimer

Данный текст представляет собой типичный продукт массовой культуры: не раскрывает тайн мироздания, не содержит в себе ответы на вечные вопросы, не сохраняет классические традиции русской литературы и не является образцом высокохудожественного произведения.

Все словесные штампы, вульгарные выражения, опечатки, орфографические, пунктуационные, логические ошибки, а также противоречия здравому смыслу объясняются исключительно глупостью автора, который, тем не менее, никоим образом не хотел оскорбить чьи-либо чувства.

Автор оставляет за собой право нарушать хронологию событий и описывать их в любой удобной для себя последовательности.

Приступая к прочтению данного текста, Вы берете на себя всю ответственность за возможность причинения Вам морального ущерба. Произведение может [но не обязано] содержать ненормативную лексику, описание сцен насилия, употребления алкоголя и наркотиков, а также откровенные сексуальные фрагменты.

Если после прочтения данной книги Вам покажется, что она не стоит тех денег, которые Вы за нее заплатили, возможно, Вас обманули. Тем не менее, это не является основанием для предъявления претензий автору. Вся ответственность лежит на отцах-основателях теории и практики капиталистических отношений. Попробуйте подать иск против Адама Смита.

Пользуясь случаем, автор хотел бы передать привет и огромную благодарность всем людям, которые послужили прототипами героев данного произведения.

Претензии, касающиеся любых аспектов данного текста, не принимаются.

Current mood: все хорошо;)

Current music: The Bloodhound Gang «I Hope You Die»

Часть 1

@@@

«Приличия» в нашем городе – понятие условное. Два полуторалитровых баллона пива с легкостью устраняют любое недовольство хозяина квартиры, к которому ты пришел в гости в полпервого ночи. Лера же была девушкой «неприличной» и принципиальной – из пластиковой посуды не пила. Мы решили не нарываться и вместо пива купили Cinzano. Расточительно, но, как оказалось, того стоило. К тому же, мне с Лерой еще только предстояло познакомиться.

Когда-то мне казалось, что я никогда не буду пользоваться словом «когда-то», чтобы рассказать о себе. Но получается, что только так я и могу начать эту историю.

Когда-то я был настолько самоуверенным, что мог заключать пари практически на любую тему. Порой даже без ставок – так, на интерес.

Ненормальный? – Возможно...

Безумец? – А вот это, пожалуй, точнее!

Я умел заключать пари. Футбол, «Формула-1», бокс, секс, места в хит-парадах, количество выпитого. Я доходил до того, что просто тратил всего себя на выигрыш для кого-то...

Да, это был я. О, Боже!..

В тот раз я тоже поспорил. Просто поспорил. С девушкой по имени Вита.

Я даже не знал ее полного имени. Просто Вита – и все. Может быть, ее звали Виктория, а может быть – Витольда, а может быть и просто Наташа, но ей так хотелось, чтобы ее звали Вита. В общем, я просто с ней спал. Не больше, и не меньше.

Она, конечно, что-то думала по этому поводу, наверное, но меня [мне так кажется до сих пор] это особо не касалось. Я так думаю, что она тоже не очень-то парилась по поводу того, как меня на самом деле зовут. Просто Миша – и все. Может быть, меня и вправду так зовут?

– Миша, дай, пожалуйста, сигарету!

– Может, хватит курить, а? Тебе еще детей рожать!

– От тебя, что ли?

Вот, блин! Как меня задалбливали эти ее приколы! Естественно, детей от нее я иметь не собирался, но все же – зачем так шутить? Впрочем, что еще я мог ожидать от девушки из нашей-то компании?

Короче, кому какое дело, но я же ей проспорил! В общем, она сказала, что мне понравится камин дома у ее подруги. Мне? Какой-то сраный камин? Ха-ха-ха!

Короче, поспорили. Ну и пошли, собственно.

Наверняка вы знаете все эти долбанные девятиэтажки в этих долбанных спальных микрорайонах. Вот-вот! Лера жила как раз в одной из них. Полтора Суздаля в одном доме – прикольно, хоть вешайся!

Впрочем, я сам жил в одном из таких же примерно домов, но все-таки... И вот сейчас мы с Витой шли к Лере смотреть камин.

Мы буквально позавчера наконец-то сдали последний экзамен пятой в нашей жизни сессии и уже третий день праздновали ее окончание. Мы учились на одном курсе, но на разных факультетах. Она изучала самолетостроение, а я – менеджмент, и оба удивлялись бесполезности обучения друг друга. Ну вот, скажите, что такое, в самом деле, сдать «сопромат»? Да вы хоть в состоянии расшифровать эту абббри... аббревви... Ну, в общем, это сложносоставленное слово, которое что-то значит.

Она еще обижалась: «смеешься, значит, над моим „сопроматом“, да?» «Посмотрим», – говорила, – «что ты будешь нашим детям про это объяснять!»

А я, собственно, и не собирался им ничего объяснять. На хрен мне от нее дети? Я сам-то никак не вырасту.

– О, привет! Come in! – дверь нам открыло полуобнаженное, немного заспанное существо.

О, Боже!!! Если бы моя школьная учительница – «англичанка» ТАК произносила «come in» в ответ на мое бессмысленное бормотание по поводу очередного опоздания... Я бы... Я бы до самой смерти [скорее всего, это была бы ее смерть] оставался ее преданным слугой. Я без тени брезгливости целовал бы ее морщинистые руки и не стеснясь обнимал на улице за талию. По крайней мере, насколько бы смог обхватить.

На пороге стояла Самая Красивая Девушка Нашей Планеты, ради которой я...

– Ну что? Проперся от «кам_ина»? – вдруг откуда-то материализовалась Вита. – Я же говорила! Ну, давай же, проходи!

Осмотреться в квартире мне не дали – мы сразу прошли на кухню. Вита начала что-то рассказывать, а я машинально открыл Cinzano. Лера достала из холодильника какие-то салаты. Мы за что-то выпили, я налил еще. Когда я протянул Лере бокал, она не смогла сдержать ухмылку – мои пальцы дрожали.

Зазвонил телефон, Лера подняла трубку и произнесла всего три слова: «Семь, шесть, четыре». Сначала мне показалось, что все это мне показалось. Потом я подумал, что Лера хочет мне что-то сказать, но при Вите не может сделать это открыто, поэтому она с мобильного незаметно набрала свой домашний номер и специально для меня произнесла какой-то шифр. Как будто кто-то позвонил. Я тупо полез в карман за своим телефоном и посмотрел, какие буквы находятся на кнопках с цифрами 7, 6 и 4.

Вита что-то говорила, Лера улыбалась...

Минуты через две позвонили в дверь, и я поразился своей собственной глупости. 764 – код на замке входной двери в подъезде. Просто пришел кто-то еще.

@ @ @

Когда тебе 20 лет и разнообразные вечеринки являются чем-то вроде работы, за которую, правда, не платят, в твоей жизни происходит много увлекательного и непонятного. Так получилось, например, с одним моим приятелем, который на университетском празднике по поводу начала очередного учебного года познакомился с девушкой по имени Настя.

Настя была очень непохожа на наших привычных подруг: одевалась небрежно, но безупречно стильно, мало курила, не морщась и не закусывая пила крепкие напитки, жила одна в собственной квартире и всегда платила сама за себя. Да и вообще производила впечатление патологически самостоятельной, экстремально жесткой и невероятно сексуальной особы, что, как скоро выяснилось, оказалось вовсе не впечатлением. Мой приятель после первой ночи в Настиной квартире, случившейся сразу после их знакомства, рассказывал такие небылицы, что в них верилось с огромнейшим трудом. Впрочем, позже оказалось, что верилось все же без оснований – Настя его просто не подпустила к себе по причине его полной несостоятельности. Много пить, к тому же – все подряд, нехорошо.

Зато почти весь следующий месяц мой приятель трахал Настю так, что вся земля дрожала блаблабла...

@ @ @

Не знаю как у вас, у меня же иногда бывает такое состояние, когда я не то, чтобы не знаю чем заняться, а просто чувствую, что в бессмысленном течении бесконечного времени вдруг образовалась огромная дыра, но никто [кроме меня] этого не заметил. Эта дыра превра-

щает в себя весь мой организм, максимально концентрируюсь в голове. Так, наверное, бывает, когда ветер забывает дышать, а в телефонные провода попадает смертельный для электронных импульсов вирус: странники задыхаются, влюбленные не могут дозвониться друг другу, вся планета останавливается, чтобы сделать маленькую передышку. Видимо, именно в один из таких моментов я был зачат, иначе как объяснить мою повышенную к ним чувствительность?

В тот раз очередной «дырявый час» подловил меня на небольшом бульварчике в самом центре нашего города. Я как раз выбрасывал в урну шестой за последние полчаса окурков и раздумывал над тем, куда бы направиться. Вариантов, собственно, имелось целых два: можно было весело пообщаться с обитательницами общежития пединститута в пяти минутах ходьбы отсюда или же заявиться в кофейню на Бебеля – это тоже пять минут, но в другую сторону. В первом случае меня гарантированно ожидал безвкусный и недолгий секс с одной из будущих учительниц начальных классов. Во втором – брутальная пьянка. «Кофейней» это место уже давно называлось лишь номинально.

Время же меня обыграло, совершив самоубийство и оставив наедине с бесноватым городом. Люди шмыгали, проплывали, проносились и даже пролетали мимо меня, торопясь на важные встречи, спеша выполнить давно просроченные обещания и обрести новые долги. Деревья безучастно кивали головами, как будто приветствуя всех сразу, даже не разобрав лиц, но уже приняв за знакомых. Автомобили срывали голоса, предупреждая зевак о своем приближении. А я стоял, чувствуя, как все это валится беспцельным немаркированным грузом в нескончаемое хранилище событий, произошедших, когда время отдыхало. Как будто мне показали неудавшийся дубль из еще неснятого фильма: без звука, с посторонними людьми в кадре, с актерами, забывшими, что нужно делать, а потом спросили: «Ну что? Как тебе сюжет?»

Какой, к черту, сюжет? Последние дни сентября – самое нелепое время: скоро все изменится, но что именно и когда точно никто не в силах сказать.

В кофейне на Бебеля я вполне предсказуемо встретил того самого моего приятеля. Время уже успело вернуться к исполнению своих обязанностей, и только он один, казалось, об этом сожалел. От всех остальных посетителей мой приятель отличался неприлично трезвым взглядом и содержимым стакана – лед, пузырьки и кока-кола. Впрочем, все прояснилось довольно скоро, минуты не прошло:

– Понимаешь, проснулся я сегодня, она рядом лежит, спит еще. Я посмотрел на нее, понимаю, и испугался: она как будто не живая. Нет, дышит там, и все такое, но – не человек, понимаю? И не хочу, и не могу, и страшно.

В общем, от Насти он сбежал. Обычное дело, собственно говоря. Сам он утверждал, что это его стиль – непредсказуемые исчезновения. Я же считаю, что его стиль – предсказуемая глупость. Впрочем, это свое мнение я всегда держу при себе, что всегда позволяло мне поддерживать с приятелем хорошие отношения и регулярно напиваться в его компании до состояния «зеленых соплей».

Представьте же теперь наше состояние, когда в один из первых дней октября Настя стремительно зашла в аудиторию, где мы ждали начала лекции, поднялась на кафедру, просто и абсолютно уверенно произнесла: «Здравствуйте! Меня зовут Анастасия Владимировна, я буду читать у вас курс лекций по...» Честно говоря, я почему-то не очень хорошо помню, как назывался тот предмет. Кажется, что-то юридическое.

На первом же семинаре Настя предельно ясно объяснила, что ни мне, ни моему приятелю сдать ей зачет с первого раза не удастся. Впрочем, с какого бы то ни было еще раза тоже.

Мой приятель впал в поразительно истеричное состояние: он убедил своих родителей срочно организовать его перевод в другой вуз. Те оперативно подсутились, и уже через две недели я остался один на один с Настей.

Как она и обещала, зачет с первого раза я не сдал. Публично распяв меня на кресте незнания ее предмета, для верности пару раз плюнув в лицо дополнительными вопросами из смежных областей, она объявила мне день и время пересдачи.

Явившись в назначенный час, я даже без какого-либо сочувствия к себе убедился, что кроме меня и Анастасии Владимировны в кабинете никого не оказалось. Она сидела на подоконнике у открытого окна и курила. Курить в здании, конечно же, нельзя, но я думаю, что даже ректору не хватило бы смелости запретить ей делать это. Рукой она указала мне место, на которое я должен был сесть. Я и не думал сопротивляться.

Докурив, она подошла к моему столу и встала прямо напротив меня. В ее правой руке был небольшой пакетик, который она аккуратно надорвала и высыпала содержимое на стол. Я сразу понял, что это кокаин.

Настя быстро разделила порошок на дорожки, наклонилась и вдохнула его через обрезанную трубочку для коктейлей. Я сам никогда не употреблял кокаин, но мне показалось, что Настя училась делать это, наблюдая за Мией Уоллесс. Как-то слишком демонстративно у нее получалось.

Она слизнула остатки порошка с пальца и сказала:

– Встань, иди сюда.

Обогнув стол, я встал прямо перед ней. Настя положила руки мне на плечи и с силой надавила на них так, что мне пришлось опуститься на колени. Затем она села на край стола, задрала юбку и за голову притянула меня к себе, одновременно закинув свои ноги мне на плечи. Нижнего белья, по утверждению моего приятеля, она не носила никогда, не изменив этой традиции и сегодня.

Конечно, я сразу же понял, чего она от меня хочет, но поскольку никакого опыта орального секса у меня тогда не было, я замешкался и никак не мог выйти из ступора. В результате я услышал ее гневное шипение: «Ну же!»

Только кончив два раза, она с силой оттолкнула меня – «уронила Мишку на пол». Встала, оправилась и произнесла, насмешливо глядя сверху вниз:

– Зачетку, надеюсь, не забыл?

@ @ @

Лера ушла открывать дверь, а Вита, мокро чмокнув меня где-то в районе уха, отправилась инспектировать состояние сантехники в квартире. Я оставался один минуты полторы или немногим больше. По крайней мере, если верить часам, которые магнитом прикреплены к дверце холодильника. Интересно, в чем измеряется скорость мысли? Проводят ли соревнования по этому виду спорта? Если да, то где можно подать заявку на участие?

Хотя, возможно, в том, что за очень короткое время я успеваю подумать о тысяче вещей разом, нет ничего удивительного. Ни у одного человека я никогда не спрашивал, сколько всего он успевает передумать, например, за ту же минуту. А у Виты, кажется, даже нет такого специального мыслительного отделения в мозге. По какой-то прихоти природы оно расположено у нее в одной из мышц языка.

Особенность же моих мыслей – в умении проявляться только в форме вопросительных предложений. Болезнь «почемучки» так и не покинула меня с четырехлетнего возраста. Только если раньше я изливал все свои вопросы, сомнения и страхи на родителей, бабушек и прочих взрослых знакомых, то теперь единственным объектом, удовлетворяющим собственное любопытство, стал я сам. Точнее, не удовлетворяющим. И почему, интересно, я сам не могу ответить на свои же вопросы?

Совершенно не ясно, почему у меня нет никаких стремлений и желаний. И вообще, как они появляются? Что мне нужно сделать, чтобы подобно практически всем моим однокурсни-

кам страстно желать попасть на работу в какую-либо компанию после окончания института? Или, например, поступить в аспирантуру? А нужно мне это?

Хорошо, что никто кроме меня самого не знает, каким я могу быть занудным. Просто, наверное, я ни с кем не общаюсь настолько близко, чтобы это было заметно. Специфика моего окружения – поверхностное общение. Зачем вникать в детали? Вот он – клевый чувак, потому что у него всегда с собой есть трава. А это – классная девка. Почему? Что за вопрос? Ты разве не видишь, что она реально классная?

Это примерно как разбираться в музыке, слушая только радиохиты.

Социологи ломают головы, пытаются сформулировать, что мы за поколение. Придурки! Мы не поколение, мы – целевая аудитория!

Мы не устраиваем революций, мы берем кредиты на новые мобильные телефоны. Мы не едем на Север, чтобы «год за два», мы берем «два в одном», потому что так дешевле на треть. Я не хочу «увидеть Париж и умереть», я видел Эйфелеву башню со спутника на Google Earth. Мы не закаляемся на морозе, мы пьем энергетические напитки. Мы не поем хором «Все это рок-н-ролл!», у каждого в iPod'e свой плейлист.

Стоит ли продолжать?

На кухню они зашли все вместе: Лера, Вита и двое гостей. Первый – этот парень, Кирилл, который в прошлом году прославился на весь институт, когда в самый разгар летней сессии залетел в деканат со словами:

- А вы не знаете где Сукин?
- Кто? – переспросила туповатая секретарша.
- Ну Сукин, декан наш!
- Вообще-то он Кобелев...
- Да ну какая разница!

Тогда Кириллу пришлось перевестись на другой факультет, где деканом едва-едва был назначен бывший однокурсник, а ныне основной соперник Кобелева во всем, что только можно себе представить. Тоже, между прочим, выделяющийся фамилией – Бухач. Каждый раз, подписывая Кириллу направления на пересдачу очередного экзамена, Бухач похлопывает его по плечу и с безграничным восторгом произносит одну и ту же фразу:

– Учись, студент! Учись, сукин сын!

Спутницей Кирилла оказалась Настя. Та самая Анастасия Владимировна [«Весь мир – сплошной Абердин»]. Она посмотрела на меня совершенно безразличным взглядом, но протянула руку как старому знакомому [она со всеми так здоровается]:

– Привет, Миша!

Я понял, что скрывать факт нашего знакомства не стоит, но и афишировать его подробности явно незачем. Интересно, почему она встречается исключительно со студентами? Да, кстати, откуда она знает Виту? Они так мило болтают.

Видимо, настала моя очередь прогуляться в сторону ванной.

Лерина квартира оказалась невероятных размеров; сколько точно в ней комнат я не знаю до сих пор. Как мне рассказали позднее, на самом деле это сразу три квартиры, которые еще при строительстве объединили между собой. Такой, знаете, позднесоветский шик.

На двери, которая ведет в ванную, обнаружился старый, порванный в двух местах, плакат с изображением Кобейна с дулом винтовки во рту. Я недолго постоял, разглядывая счастливое лицо Курта. Повезло все же в жизни человеку.

Самой ванны в ванной комнате не было. Ее заменяла душевая кабина невероятного дизайна и ошеломляющего размера. Резкий контраст со старой, потрескавшейся кафельной плиткой жутковато-зеленого цвета на стенах вызвал у меня какое-то смутное ощущение неправдоподобности. Что-то вроде того, если вдруг увидишь раздавленную временем старушку, лихо рассекающую на скейтборде. В Лериной квартире вообще все было так – дикая

смесь времен дефицита на польский мебельный ширпотреб и эпохи разбрасывания нефтяных денег на новинки модной электроники.

Я включил холодную воду и с самоотверженной решительностью подставил голову под струю. Нужно было срочно прийти в себя, сбросить наваждение вереницы неожиданных встреч. К тому же я начал немного пьянеть.

Вдруг вода выключилась, а на мою голову кто-то заботливо накинул полотенце. Я застыл, услышав веселый Лерин голос:

– Вытирайся, моржонок! Весь пол мне забрызгал!

Я медленно повернулся и увидел ее, как-то так небрежно сидящую на стиральной машине. Она ехидно смотрела на меня, чуть склонив голову набок. Взяла меня за футболку, притянула к себе и...

И она меня поцеловала.

Холодные капли воды с моей головы падали в вырез ее платья и мне казалось, что я чувствую, как они катятся по ее телу все ниже и ниже. Она сильно прижалась ко мне [или все же прижала меня к себе?] и мне стало неловко от того, что от нее не скроется как сильно и часто бьется мое сердце.

Я потянулся к двери, чтобы закрыть на замок, но Лера уверенно перехватила мою руку и, на секунду разъединив наши губы, прошептала: «Не сейчас. Позже...».

– Ты же останешься сегодня? – спросила, отстранившись от меня [мне показалось – через вечность].

– А....

– О Вите я позабочусь, не волнуйся...

Обычно мне не нравится, когда кто-то принимает решения за меня. Даже если такое происходит, я все равно нахожу способ сделать все по-своему. Но в этот раз я не стал сопротивляться. В конце концов, я находился не на своей территории. «В чужой монастырь...», как говорится...

Впрочем, монастырь происходящее вокруг напоминало меньше всего.

@ @ @

Когда мы вернулись на кухню, Кирилл заканчивал рассказывать какую-то, видимо, чрезвычайно смешную историю, одновременно разминая пальцами только что забитую травой папиросу. Настя, откинувшись на спинку стула и закрыв глаза, время от времени вздрагивала всем телом, уже не в силах смеяться в голос. Вита с ногами забралась в кресло и, уткнувшись лицом в колени, махала на Кирилла руками, требуя прекратить рассказ.

Лично мне самым забавным во всей этой сцене показалось то, что буквально позавчера Кирилл купил у меня довольно увесистый пакет травы. Теперь же я стоял и решал моральную проблему: насколько прилично принять предложение покурить от человека, с которого ты взял деньги за то, чем он тебя угощает? В конечном итоге я решил, что это нормально – ведь мы случайно здесь встретились.

Вообще, перепродажа травы тогда была для меня единственным источником дохода. Я не относился к этому как к бизнесу: у меня не было постоянных клиентов, да и нередко случалось так, что продать-то было нечего. Несмотря на это, мне хватало денег, чтобы снимать квартиру и не зависеть от родителей, которые считали, что в свободное от учебы время я честно тружусь в некоей аудиторской фирмочке. Вместо телефона офиса я дал родителям номер справочной городского автовокзала, который вечно занят.

Я никак не мог решить, куда мне нужно было сесть: рядом с Настей места не было, находиться рядом с Витой уже не хотелось.

Лера же курила, облокотившись на подоконник. Я стоял возле раковины, откровенно разглядывая Лерину грудь. Зачем она так себя ведет? Если бы я был кем-то другим, я никогда не поверил бы в то, что она сказала мне в ванной. Но в отличие от многих я умею верить в чудеса и всякого рода нелепости, поэтому просто принял все это как факт. А вот что мне делать с этим фактом? Логические выводы и принятие решений – явно не мой конек. Я решил оставить все как есть – и ситуацию с Лерой и свое месторасположение в пространстве. Так и остался стоять возле раковины.

Затянувшись первым, Кирилл вдруг спросил:

– Пойдем завтра на день рождения к Алешке?

– А разве завтра? – удивилась Настя.

– На самом деле уже даже сегодня, – Кирилл кивнул в сторону часов, – Час шестнадцать!

– Мы пойдем. Да, Миша?

Интересно, с чего Вита решила, что кто-то попросил ее раскрыть рот?

– Да. Пойдем. Нас приглашали.

– Жаль, я не смогу. Завтра... сегодня... улетаю в Москву, – Лера всеми силами пыталась изобразить разочарование. – Правда, я еще даже билет не купила...

В Москву? Сегодня? А как же...? Я снова перестал что-либо понимать. Впрочем, и до этого я не мог сказать, что контролирую ситуацию. Но разница в том, что еще буквально десять минут назад мне это нравилось.

– К сестре едешь? Блин... Все время забываю как ее зовут, – Кирилл забарабанил пальцами по коленям, напряженно пытаюсь вспомнить имя.

Елки-палки! У меня постоянно создается такое впечатление, что все люди вокруг меня давным-давно знают друг друга. Причем, не только непосредственно друг друга, но и родственников, друзей, бывших одноклассников, коллег, врагов и любовников всех вокруг. Один только я как будто стою в стороне и разглядываю поток проплывающих мимо неизвестных мне лиц и тел. Когда это я проспал всемирную переключку? Вот откуда, скажите, Кирилл знает что-то о Лериной сестре?

– Рита, – лениво протянула Лера, еле сдерживая ухмылку.

– Точно! – щелкнул пальцами Кирилл и подмигнул Насте. Настя захохотала, явно уловив намек, но уже через секунду стала подпевать Кириллу, который успел вскочить с кресла и начал судорожно размахивать руками в разные стороны: «Маааргааарииииитаа! Уо-о! Маргариита!».

Вита рассеянно смеялась, не зная как реагировать. Лера закрыла глаза рукой и, еле сдерживая смех, громко прошептала: «Идиоты!»

Я почувствовал, что начинаю злиться.

Состояние раздражительности, в которое я впадаю с незавидной периодичностью, обычно граничит у меня либо с агрессивностью, либо с полнейшим отрешением от происходящего. Сейчас это был первый вариант. Чтобы ничего не усложнять и не портить никому из собравшихся настроение, я решил насильно перевести себя в вариант номер два.

Я посильнее затянулся папирсой [кстати, еле сдержался, чтобы не закашляться] и достал из морозилки две банки пива. Вита попыталась сказать что-то вроде: «Ты бы не смешивал...», но я откровенно проигнорировал ее старания, а спорить со мной у нее, видимо, не было желания. Лера же только чуть удивленно посмотрела на меня. Впрочем, не удивленно, а так же, как и в ванной – ехидно, чуть склонив голову набок.

@@@

– Ээ-эй! Мииишааа! Просыпайся! У меня такси через полчаса, я еще хочу увидеть тебя в нормальном состоянии!

Лерин голос настойчиво прорывался сквозь что-то похожее на дымовую завесу. Мне срочно требовалась справка о полученной мною тяжелой контузии. Совершенно необходимо, чтобы в этой справке было написано, что я тяжело болен, что я нетранспортабелен, что я нуждаюсь в постоянном уходе сиделки. Что мне, как кошке, нужно спать 20 часов в сутки. А для гарантии еще желательна наклейка прямо на груди – «Не кантовать!»

Я находился в том самом трудно вообразимом на трезвую голову похмельном состоянии, когда ты можешь проснуться, ты можешь разговаривать, ты можешь даже встать, если «ну уж очень» надо, но вот открыть глаза ты не можешь ни за что. Никакие уговоры, никакие убеждения, никакие угрозы не помогут тебе сделать это. У тебя даже не болит голова, просто не открываются глаза.

Удивительно, но в Лериных интонациях не было никакой злобы, никакого раздражения. Она говорила все это как-то... эээ... терпеливо и даже ласково.

Я заставил себя сесть. Окружающий мир нагло набросился на меня. Он бил меня в живот. Нет, не так. Это вчера я проглотил мир, а теперь он просился обратно. Но я остался непреклонен: проглотил – значит, проглотил.

– Миииишааа! Пойдем в душ, я приведу тебя в порядок.

Это было жестоко – расстрел острыми струями холодной воды прямо в душевой кабине. Жестоко, но как всегда эффективно.

Вот что интересно: она никогда не злится?

Когда мне все же было позволено вылезти из душа и укутаться в теплый халат, я уже мог наблюдать за миром сквозь щелки, которые в обычном состоянии являются моими глазами. Процедура приведения меня в чувство закончилась стаканом апельсинового сока и немного укоризненным [тем самым – ехидным] взглядом.

– Слушай внимательно: я уезжаю на два дня. На два! – для особо тупых [кто, интересно, имелся в виду?] Лера показала количество дней на пальцах, – Я прилечу послезавтра в обед. Можешь встретить меня в аэропорту. Вот ключи, замки открываются очень легко. Тебе придется немного убраться на кухне. В конечном итоге, ты тоже имел к этому отношение. Еда в холодильнике.

Я сидел и ничего не понимал. Я даже не старался. Все происходящее не имело ко мне никакого отношения. Вот сейчас я проснусь, и все останется как прежде: долгие дни, наполненные содержательным бездельем, болтливая идиотка Вита, неожиданные встречи с друзьями, перерастающие в трехдневные запои, ну и далее по списку.

– Все. До встречи, – она быстро поднялась и направилась к выходу.

– И никаких баб, милый! – это было сказано уже на пороге лифта.

Впрочем, просыпаться не очень-то и хотелось.

– Пиздец! – это было первое слово, которое я сказал, едва рухнув обратно на кровать. Это было вообще первое слово, которое я сказал за этот день.

И немедленно заснул. К черту! Подумаю об этом завтра! Т. е., конечно, сегодня, но позже. В общем, «тем, кто ложится спать...»

Часть 2

@@@

Я уже много раз замечал, что совсем не знаю свой родной город. В географическом смысле. Стоит мне оказаться не в центре или не в том районе, где я живу, как мои ноги объявляют о своем суверенитете и отказываются подчиняться мозгу, который в свою очередь и сам моментально убегает на перекур. Я могу пару часов бродить по кругу на расстоянии в полквартиры от места, куда мне нужно прибыть. Или десять раз пройти мимо какой-нибудь вывески или здания, которые мне указывают в качестве ориентира.

В хитросплетениях же провинциальных нравов и порядков я всегда разбирался лучше большинства многомудрых старожилов. Я прекрасно знаю, какой опасности подвергаюсь, оказавшись один в чужом районе. Несколько раз мне пришлось спастись стремительным бегством от толпы невзрачно одетых молодых ребят, сверливших меня недобрыми взглядами. Таких называют емким словом «гопники». Кстати, я не считаю подобное бегство проявлением трусости или слабости. А если даже кто-то и думает иначе, то я не собираюсь спорить – у каждого свои представления о мужестве и о личной безопасности.

Но еще лучше, чем местные дворовые реалии, в тот день, когда я проснулся в Лериной квартире, я знал, что просто не могу не пойти на вечеринку к Алешке.

В тот раз Алешка праздновал свой день рождения в каком-то новом клубе, расположенном на территории бывшего оружейного завода. Не стоит, думаю, и говорить, что здание этого флага советской промышленности находится вовсе не в центре города, поэтому я поступил вполне разумно [с учетом своего топографического кретинизма] – поехал на такси.

В такси я всегда сажусь на заднее сиденье, справа от водителя. Некоторые мои знакомые считают, что это такая глупая игра в лондонского аристократа, мол, не царское дело – с возницей общаться. Другие думают, что я помешан на собственной безопасности. А один человек вообще говорил мне, что я самый хитрый из его приятелей – ведь с этого места проще всего слить из машины, не расплатившись.

Отчасти правы лишь первые – я действительно ненавижу общаться с таксистами. Впрочем, эта нелюбовь взаимна, потому что первая фраза, которую я произношу после слова «Здравствуйте!» – это «Выключите радио, пожалуйста!». Симпатии водителей такси меня интересуют меньше всего, поэтому всю дорогу я могу быть предоставлен сам себе – смотреть в окно, курить [еще бы они мне не разрешали!] и думать о приятном. Или не думать, а просто смотреть в окно.

На самом деле все гораздо сложнее и даже, можно сказать, драматичнее. Когда мне было четырнадцать лет, я со своим отцом ехал откуда-то куда-то по совершенно обледенелой дороге. Я счастливо и безмятежно спал, сидя на переднем сидении, отец был за рулем. На каком-то очередном повороте машину занесло так, что все эти хваленые финские шины сорвали свои когти, пытаясь удержать сцепление с дорогой, и нас понесло – машина перевернулась на крышу и проскребла ей пару десятков метров льда. Движение прекратилось лишь на обочине в предусмотрительно наметенном [специально, видимо, для нас] сугробе.

Я же проснулся ровно в тот момент, когда машина уже катилась, перевернувшись на крышу. Ровно в тот момент, когда уже было непонятно, что будет дальше. Когда колеса, еще вращаясь, первый раз в своей судьбе увидели звездное небо и поняли, насколько весь смысл их прошлой жизни был бессмысленным и унижительным – лишь наматывать круги и грызть асфальт.

Я проснулся и увидел... Собственно, не важно. Просто с тех пор я физически не могу сидеть в машинах спереди. Только сзади.

Едва машина выехала за пределы двора Лериного дома, у меня зазвонил телефон. Кто говорит?

– Миша, привет! Это Настя. Ты едешь к Алешке?

– Да, я уже еду. Я на такси.

– О, супер! Заедешь за мной? Знаешь, где я живу?

Я отдал трубку таксисту – не люблю быть посредником в разговорах. Оказалось, что Настя живет на параллельной улице и нам даже не надо менять маршрут.

Обычно, когда я встречаюсь с Настей, я сильно нервничаю и даже побаиваюсь ее. Сейчас же мне было настолько все равно, что я попросту забыл с ней поздороваться. Впрочем, она, кажется, этого даже не заметила – сразу же начала болтать, закурила, громко смеялась над своим же собственным рассказом. Я понял, что «поиграть в Мию Уоллесс» она предпочла еще до выхода из дома, не дожидаясь начала общего веселья.

Вдруг неожиданно она спросила:

– Что тебе сегодня снилось?

Вообще, я очень люблю рассказывать кому-нибудь о своих снах. Мне всегда снится что-нибудь интересное и захватывающее: «героические эпосы неудачника», как я называю все это про себя. Другое дело, что мало кому из моих знакомых нравится слушать мои пространные рассказы о том, чего на самом деле не было. И уж тем более никто из них не просит меня об этом специально. Поэтому Настин вопрос заставил меня вынырнуть из постпьямального морoka, и я начал рассказывать.

Сегодня мне приснился нетипичный для моих ночных приключений сон. Неожиданным и необъяснимым образом я оказался в каком-то совершенно незнакомом месте, на окраине какого-то города, в самом конце огромнейшей очереди на автобусной остановке. Впрочем, очередь была весьма условной: как только подъезжал очередной автобус, толпа начинала буйствовать, люди кричали, толкали друг друга, образовывалась невероятная давка.

Подъезжавшие автобусы были не похожи один на другой. Здесь были и древние, давно подлежащие списанию покосившиеся икарусы, с которых как листья с деревьев сыпалась шелуха желтой краски. Были и огромные двухъярусные туристические красавцы, выглядевшие безгранично спокойными и величественными океаническими лайнерами, которым нет дела до разыгравшегося шторма. Были и малюсенькие маршрутные такси, которые, казалось, еле-еле выдерживали натиск бешеных пассажиров.

Все автобусы почему-то открывали только передние двери, возле которых сразу же случался людской водоворот: кого-то нещадно выталкивали из толпы, кто-то падал, кого-то попросту били. Не было никакой разницы кто рядом с тобой – маленький ребенок, еле передвигающая ноги старуха или двухметровый бугай. Все били, толкали, кусали, материли, пинали и плевали всех.

– И что ты делал? – спросила Настя.

Собственно, это и было самым обидным – в этом сне я ничего не делал. Я просто стоял и смотрел на происходящее вокруг безумие. Я не пытался влезть ни в один автобус, потому что не понимал, куда и зачем мне надо ехать. Я не осматривался вокруг, не пытался понять, где я нахожусь и что происходит. Я просто стоял и смотрел на беснующуюся толпу, на людей, которым по неведомой мне причине было крайне необходимо влезть в очередной подъезжающий автобус.

– Наверное, просто начиналась какая-нибудь катастрофа или война, и все хотели уехать в какие-нибудь убежища... Или, я не знаю, бункеры, – рассуждала вслух Настя. Почему-то ее очень впечатлил мой рассказ, теперь она сосредоточенно курила и, казалось, напряженно думала.

Мы немного поговорили о том, что каждый из нас стал бы делать, если бы началась такая же невероятная паника, как в голливудских фильмах-катастрофах. Настя сказала, что она бы

не делала ничего – просто сидела и ждала, что будет дальше. Про себя я ей отчаянно не верил, но вслух сказать это не решился.

– Приехали, – хриплым басом известил нас таксист.

Я случайно поймал его взгляд в отражении зеркала заднего вида. Мне показалось, что его злобное раздражение вот-вот превратится во вполне реальные физические действия. Надеюсь, мы больше никогда не встретимся.

Он взял у меня деньги с таким выражением лица, какое бывает у уставшей от жизни матери многодетного семейства, убирающей блевотину за пьяным скотиной-мужем. Когда ей противно, обидно, но ничего лучше у нее в жизни попросту нет.

@@@

Алешка – мой лучший друг и самый известный в нашем городе гей. Настолько известный, что правду о нем знают даже мои родители. Все благодаря Вите, точнее ее умению в самый неподходящий момент завести разговор на пикантные темы. И если раньше Алешка был просто моим одноклассником, с которым мы в детстве целыми днями гоняли мяч во дворе или исследовали закоулки окрестных чердаков и подвалов, то теперь мой папочка называл его не иначе как «твой пидорок». Иногда, выпив за ужином чуть больше положенного, отец смотрел на меня, прищулив свои и так не особо широкие глаза, и говорил: «Надо бы тебя к проктологу сводить. Узнать надо – может, ты сам уже давно заднеприводный, как этот твой пидорок, а?»

Он очень долго не мог успокоиться, когда я снял квартиру и начал жить отдельно. Впрочем, эти его нелепые подозрения меня не раздражали и не обижали, а скорее веселили и были весьма популярной темой для обсуждения с приятелями во время вечеринок.

Два года назад Алешкины родители погибли в чудовищной автокатастрофе где-то под Самарой. Его отец был достаточно успешным бизнесменом, владел сетью автомоек в городе и огромным торговым центром в нашем спальном районе. После его смерти вся родительская собственность, включая доли в бизнесе, была поделена между Алешкой и его старшим братом.

Алешкин брат, очень тяжело пережив смерть родителей, с какой-то необузданной энергией взялся за управление отцовским наследством. Он невероятно быстро стал полноценной заменой отца и заслужил большой авторитет и уважение со стороны партнеров и даже конкурентов.

Алешка же, с превеликим облегчением передавший свой пакет акций под управление брата, остался самым главным богемным тусовщиком в городе. Он постоянно устраивал какие-то невероятные вечеринки, выставки андеграундных художников, уличные флешмобы и провокационные спектакли.

Сегодняшняя вечеринка обещала стать самым грандиозным и дорогим клубным событием города за всю историю его существования. Специально для этого были привезены какие-то чрезвычайно модные диджеи [я совсем-совсем в этом не разбираюсь] из клубов Москвы, Милана и Лондона, а ведущим вечера назначен Павел Воля. Собственно, он и был первым человеком, которого мы увидели.

Это невероятно тощее существо стояло недалеко от входа в клуб и очень нервно общалось с кем-то по телефону. Настя достала сигарету, подмигнула мне и своей фирменной наглой походкой направилась прямо к нему. На ходу она обернулась и крикнула: «Не теряйся! Я скоро к тебе приду!»

Интересно, с каких пор мы стали близкими друзьями?

Я позвонил Алешке, выяснил, где он находится, и через пару минут уже почти лежал на бесконечно мягком диване в чиллауте с коктейлем в руках. Вокруг толпились какие-то люди, которых я либо не знал совсем, либо знал очень поверхностно. Алешка разрывался между

гостями, артистами и ответами на телефонные звонки. На меня у него совершенно не было времени.

И вдруг мне стало очень грустно. Я вспомнил, как в детстве мы праздновали наши дни рождения – дома, за столом, на котором обязательно стоял приготовленный мамой торт, кока-кола и вазочки с мороженым. Как мы разрывали хлопушки, жгли бенгальские огни и все вместе задували свечи. Как родители заставляли нас устраивать чаепития в школе, угощать своих одноклассников печеньем и конфетами.

Мне очень хотелось встать и потихонечку исчезнуть, поехать к Лере, сидеть на ее кухне в полной темноте, курить, пить вино, ждать, когда она вернется, и грустить.

Я никак не могу это объяснить, но почему-то состояние вот такой грусти в одиночестве мне нравится гораздо больше, чем какие-либо другие настроения. При этом нет никаких угрызений совести, чувства вины или сожаления о чем-то. Просто грустно. Наверное, я слишком часто слушаю Radiohead.

– Если ты сейчас выйдешь из чиллаута – тебе пиздец! – я не заметил, как подошла Настя.

Видимо, выражение моего лица было особенно глупым, потому что она очень заразительно рассмеялась.

– Там Вита пришла. Она злая – не передать! У нее такой вот фиговины нет, она не может сюда попасть, – отсмеявшись, пояснила Настя [нам при входе как особым гостям выдали специальные браслеты – пропуск в чиллаут].

– И что мне делать?

Я совершенно искренне не знал, как поступить в этой ситуации. Видеться с Витой абсолютно не хотелось, меньше чем за сутки она вдруг стала далеким-далеким прошлым, чем-то вроде названия детского сада, в который я ходил в детстве. Никаких эмоций, просто малозначительный факт биографии.

– Да ничего не делай. Забей.

Впрочем, из чиллаута можно было не выходить вовсе – здесь был отдельный бар, а на огромной плазменной панели показывалось все, что происходило в основном зале. Насколько я понял, Настя тоже не особо стремилась отсюда уйти, поэтому мы сидели рядом, пили коктейли, здоровались с изредка подходившими к нам знакомыми и разговаривали.

– Ты давно знаешь Леру? – наконец-то я решился задать этот вопрос.

– Ха-ха-ха! Я ждала, когда же ты спросишь об этом!

Настя не стала меня долго мучить и рассказала все, что знала о Лере и ее семье. Оказалось, Настя и Рита [Лерина сестра] учились вместе в университете. Правда, Риту отчислили после четвертого курса, но это не помешало им общаться и дальше. В общем, Настя знала даже больше того, что требовалось мне.

– Ты знаешь, у них отец был какой-то суперчувак в местном ФСБ. Подполковник. Он погиб года четыре назад, его убили в перестрелке. Они сами толком не знают что и как, у него всегда все засекречено было. Ритка говорит, он постоянно отшучивался, когда они его про работу спрашивали.

Настя вообще не переставала курить. Мне кажется, она только за то время, что мы были вместе сегодня, выкурила не меньше пачки.

– После его смерти у них как-то все очень плохо стало. Рита забросила университет, у Леры была жуткая депрессия, а мама у них вообще... Поначалу потихонечку с ума начала сходить, чудила – хвостики себе на голове заплетала, бантики, красилась как малолетка, голая по пляжу ходила. В общем, много чего. Потом пить еще стала. Буянила, когда напивалась. Посуду била, мебель с балкона выкидывала. А потом отравилась.

Я слушал Настин рассказ и не верил в то, что все это правда. Впрочем, я почему-то был уверен, что Настя не могла так жестоко надо мной издеваться. Непостижимым образом

ее отношение ко мне изменилось сразу же после моего знакомства с Лерой. А если даже дело было вовсе не во мне, то говорить такие вещи про семью подруги – это не ее стиль.

Она рассказала, что после похорон матери Рита всего за один день собралась и уехала в Москву. Лера осталась одна, и Настя буквально нянчилась с ней долгое время, больше года.

– Ты представляешь, она вообще к жизни не была приспособлена. Не то, что приготовить-постирать, она буквально не могла с утра в школу собраться без контроля. Как с трехлетним ребенком: «вставай, тапочки одень, зубы почисти, иди завтракать», ну и так далее.

Время от времени Рита присылала деньги, очень редко звонила, узнавала как дела, но про себя толком ничего не рассказывала. Потом, примерно через год, когда Лера уже окончила школу, Рита очень неожиданно приехала и забрала сестру с собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.